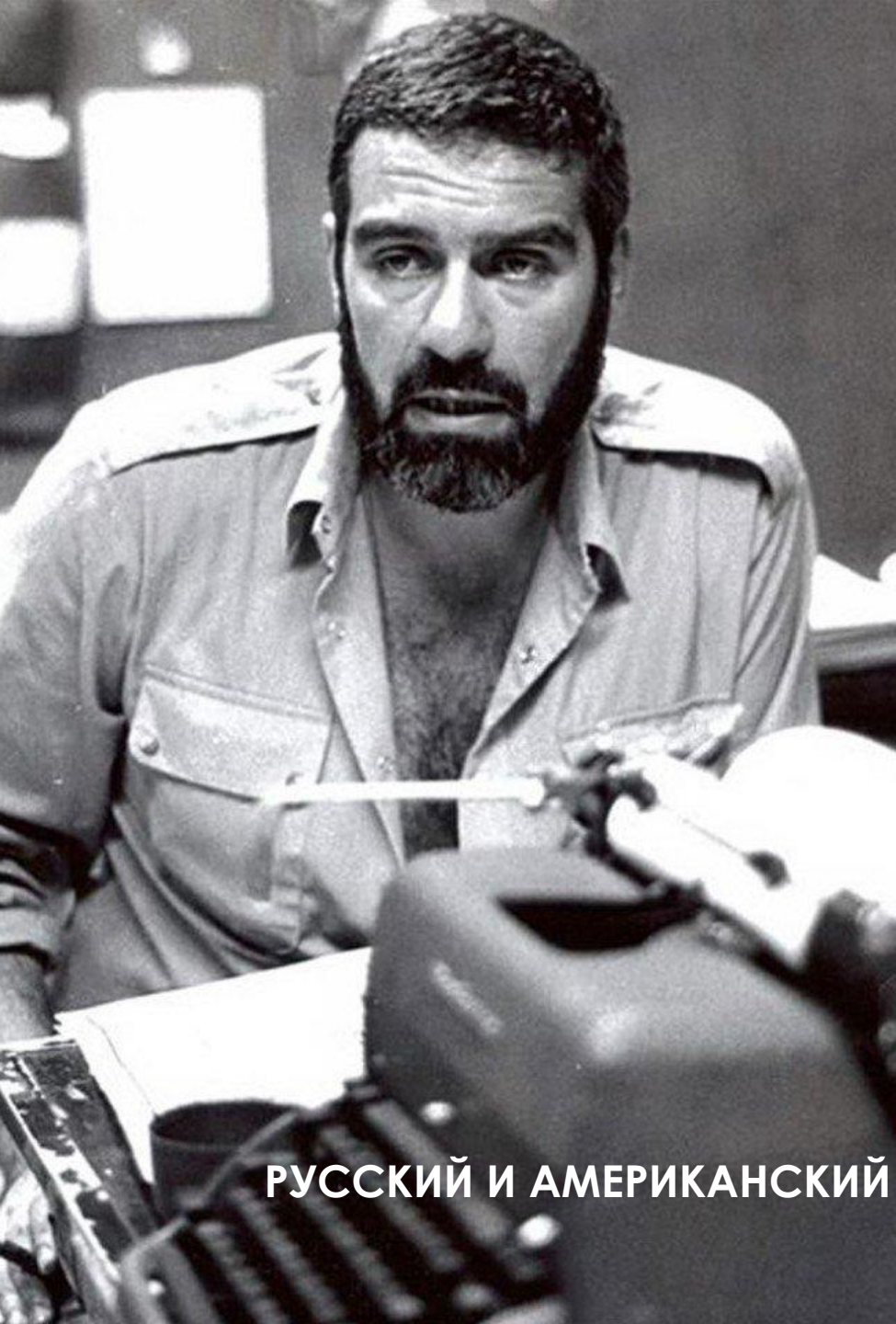

ДОВЛАТОВ

РУССКИЙ И АМЕРИКАНСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

СЕРГЕЙ ДОНАТОВИЧ ДОВЛАТОВ

Сергей Довлатов родился 3 сентября 1941 года в **Уфе**, куда родителей эвакуировали во время войны, в семье театрального режиссера **Доната Исааковича Мечика (еврей)** и литературного корректора **Норы Сергеевны Довлатовой (армянка)**.

С 1944 жил в Ленинграде. В 1959 году поступил на отделение финского языка **филологического факультета Ленинградского государственного университета** и учился там два с половиной года. Общался с ленинградскими поэтами **Евгением Рейном, Анатолием Найманом, Иосифом Бродским**. Из университета был исключён за неуспеваемость.

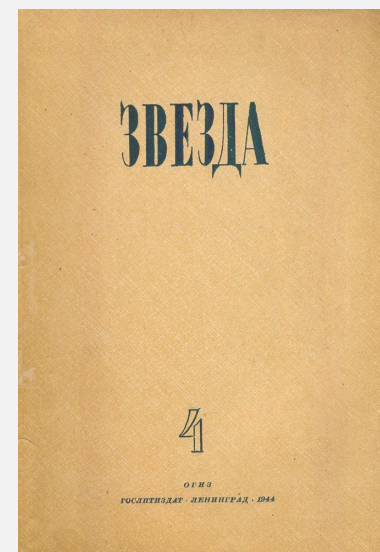
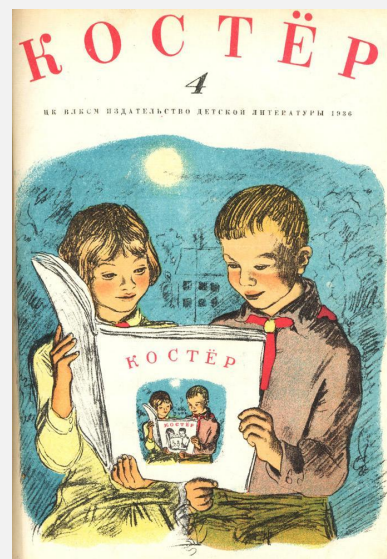
Служил три года во внутренних войсках в Республике Коми. По воспоминаниям Бродского, Довлатов вернулся из армии **«как Толстой из Крыма, со свитком рассказов и некоторой ошеломлённостью во взгляде»**. После демобилизации поступил на факультет журналистики ЛГУ, в то же время работая журналистом в многотиражке Ленинградского. **Начал писать рассказы**. Одно время работал личным секретарем у писательницы Веры Пановой.

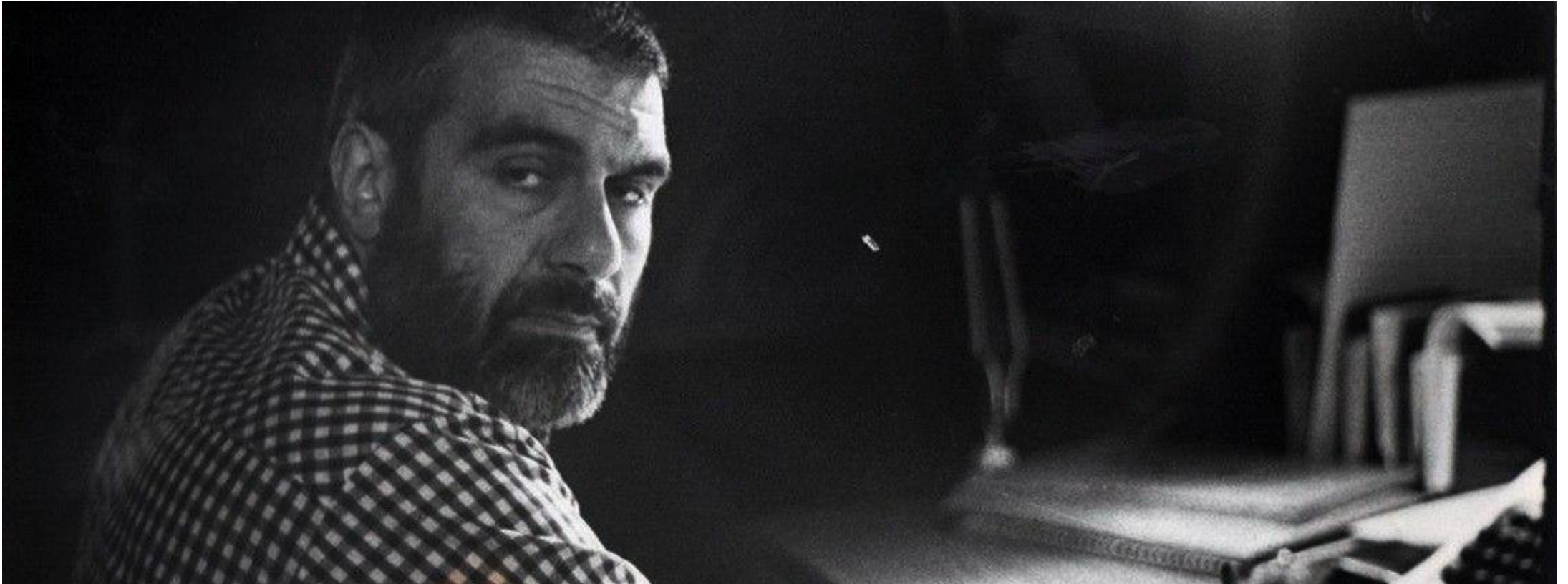

В 1972-1975 гг. жил в Таллинне, работал корреспондентом газет "Советская Эстония" и "Вечерний Таллин".

В 1976 г. вернулся в Ленинград, был принят в штат журнала "Костер". Писал рецензии для литературных журналов "Нева" и "Звезда".

В нём умещалось два человека: писатель и журналист.

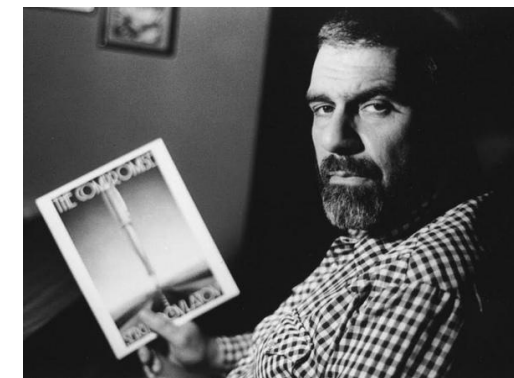
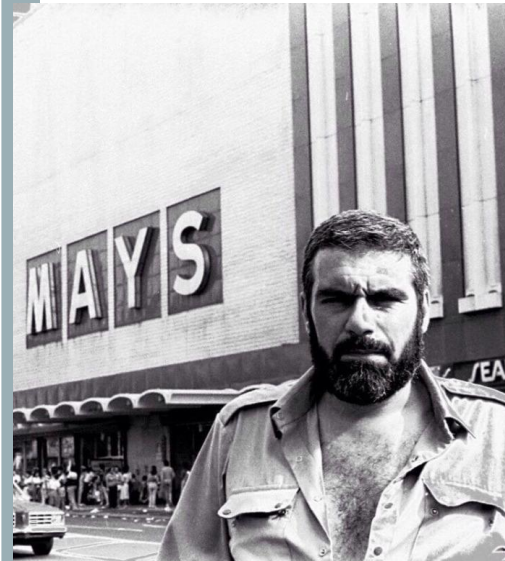
ПИСАЛ ПРОЗУ, НО ИЗ МНОГОЧИСЛЕННЫХ ПОПЫТОК НАПЕЧАТАТЬСЯ В СОВЕТСКИХ ЖУРНАЛАХ НИЧЕГО НЕ ВЫШЛО. НАБОР ЕГО ПЕРВОЙ КНИГИ БЫЛ УНИЧТОЖЕН ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ КГБ. С КОНЦА 60-Х ДОВЛАТОВ ПУБЛИКУЕТСЯ В **САМИЗДАТЕ**, А В 1976 ГОДУ НЕКОТОРЫЕ ЕГО РАССКАЗЫ БЫЛИ ОПУБЛИКОВАНЫ НА ЗАПАДЕ В ЖУРНАЛАХ **"КОНТИНЕНТ"**, **"ВРЕМЯ И МЫ"**, ЗА ЧТО БЫЛ ИСКЛЮЧЕН ИЗ СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ СССР.

В 1978 году из-за преследования властей Довлатов эмигрировал **в Вену**, а затем переселился **в Нью-Йорк**.

Издавал "лихую" либеральную эмигрантскую газету

"Новый американец" на русском, вместе с Борисом Меттер и Алексеем Орловым, с 1980-го по 1982-й был ее главным редактором.

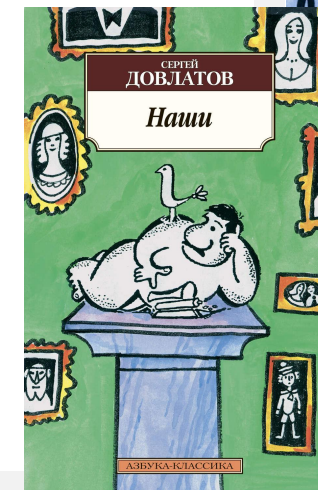
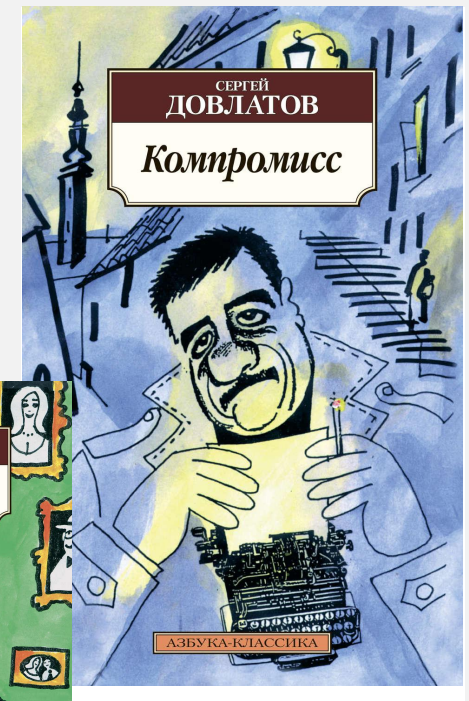
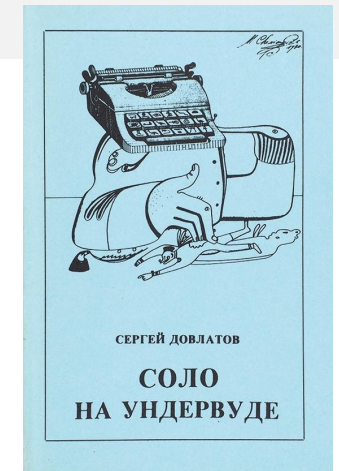
Сергей Довлатов скверно относился к бюрократии, он не закрепился в газете юридически, из-за чего его подставили партнёры, устранив его из "Нового Американца".

**НОВЫЙ
АМЕРИКАНЕЦ**

МЫ ВЫБРАЛИ СВОБОДУ,
И ТЕПЕРЬ НАШЕ СЧАСТЬЕ—
В НАШИХ РУКАХ

Одна за другой выходят книги его прозы — "Невидимая книга" (1978), "Соло на ундервуде" (1980), повести "Компромисс" (1981), "Зона" (1982), "Заповедник" (1983), "Наши" (1983) и др. К середине 80-х годов добился большого читательского успеха, печатался в престижном журнале "New-Yorker", став вторым после Владимира Набокова русским писателем, печатавшимся в этом солидном издании.

ЗА ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ ЖИЗНИ В ЭМИГРАЦИИ ИЗДАЛ В ОБЩЕЙ СЛОЖНОСТИ **ДВЕНАДЦАТЬ КНИГ**, КОТОРЫЕ ВЫХОДИЛИ В США И ЕВРОПЕ. В СССР ПИСАТЕЛЯ ЗНАЛИ ПО САМИЗДАТУ И АВТОРСКОЙ ПЕРЕДАЧЕ "**ПИСАТЕЛЬ У МИКРОФОНА**" НА РАДИО "**СВОБОДА**".

Довлатов был официально женат
дважды.

От первого брака с Асей Пекуровской у
него осталась дочь Мария.

Двое детей — Екатерина и Николай — от
второй жены Елены Довлатовой.

Дочь Александра — от гражданской
жены Тамары Зибуновой.

ИЗ ПОВЕСТИ "РЕМЕСЛО"

Я вынужден сообщать какие-то детали моей биографии, иначе многое останется неясным. Сделаю это коротко, пунктиром.

Толстый застенчивый мальчик... Бедность... Мать самокритично бросила театр и работает корректором...

Школа... Дружба с Алешей Лаврентьевым, за которым приезжает "форд"... Алеша шалит, мне поручено воспитывать его... Тогда меня возьмут на дачу... Я становлюсь маленьким гувернером... Я умнее и больше читал... Я знаю, как угодить взрослым...

Черные дворы... Зарождающаяся тяга к плебсу... Мечты о силе и бесстрашии... Похороны дохлой кошки за сараями... Моя надгробная речь, вызвавшая слезы Жанны, дочери электромонтера... Я умею говорить, рассказывать...

Бесконечные двойки... Равнодушие к точным наукам... Совместное обучение... Девочки... Алла Горшкова... Мой длинный язык... Неуклюжие эпиграммы... Тяжкое бремя сексуальной невинности...

1952 год. Я отсылаю в газету "Ленинские искры" четыре стихотворения. Одно, конечно, про Сталина. Три — про животных...

Первые рассказы. Они публикуются в детском журнале "Костер". Напоминают худшие вещи средних профессионалов...

С поэзией кончено навсегда. С невинностью — тоже...

Аттестат зрелости... Производственный стаж... Типография имени Володарского... Сигареты, вино и мужские разговоры... Растущая тяга к плебсу. (То есть буквально ни одного интеллигентного приятеля.) Университет имени Жданова. (Звучит не хуже, чем "Университет имени Аль Капоне")... Филфак... Прогулы... Студенческие литературные упражнения...

Бесконечные переэкзаменовки... Несчастливая любовь, окончившаяся женитьбой... Знакомство с молодыми ленинградскими поэтами — Рейном, Найманом, Бродским...

...

1960 год. Новый творческий подъем. Рассказы, пошлые до крайности. Тема — одиночество.

Неизменный антураж — вечеринка.

Выпирающие ребра подтекста. Хемингуэй как идеал литературный и человеческий... Недолгие занятия боксом... Развод, отмеченный трехдневной пьянкой... Безделье... Повестка из военкомата... За три месяца до этого я покинул университет.

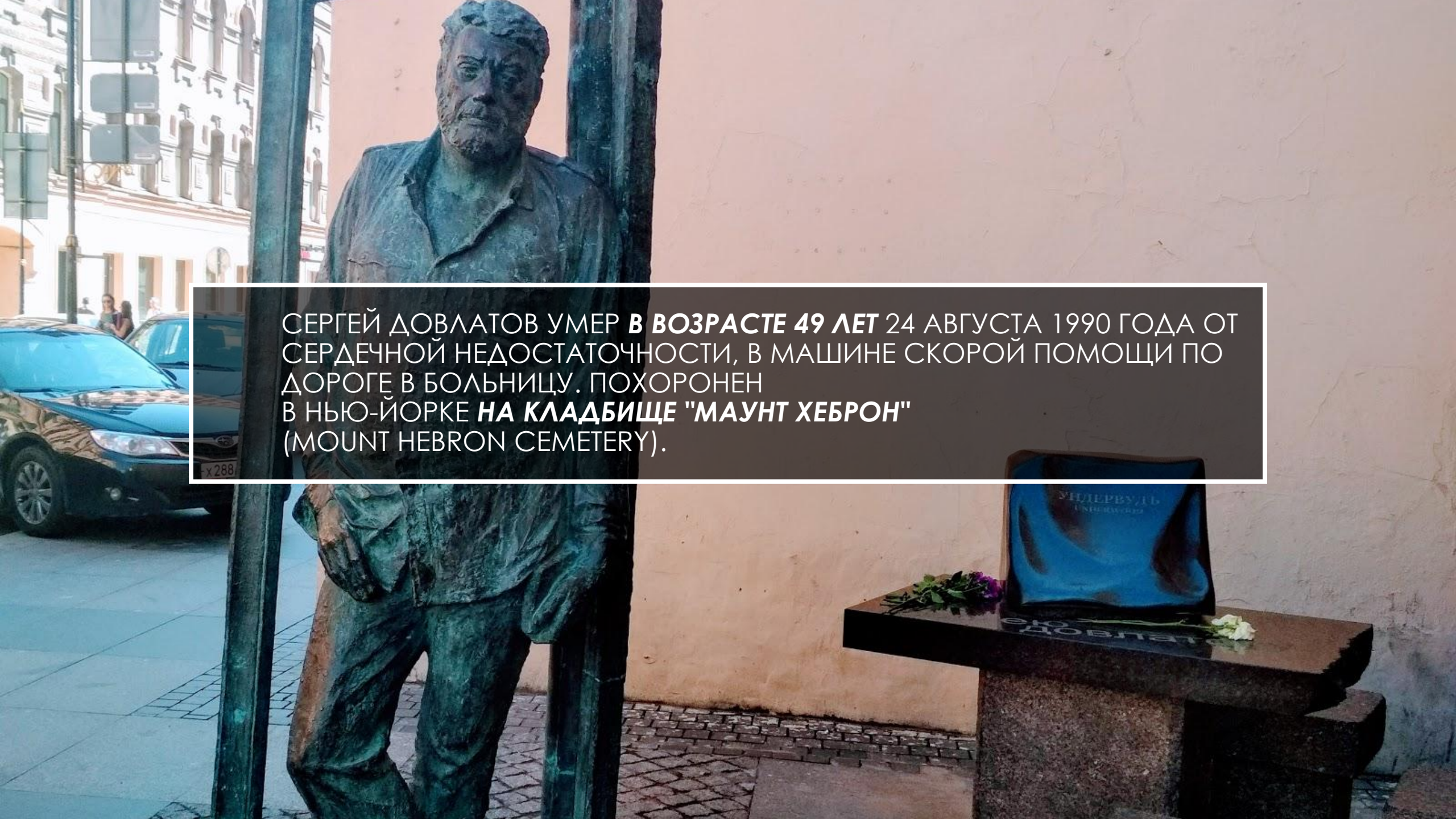
В дальнейшем я говорил о причинах ухода — туманно. Загадочно касался неких политических мотивов.

На самом деле все было проще. Раза четыре я сдавал экзамен по немецкому языку. И каждый раз проваливался.

Языка я не знал совершенно. Ни единого слова. Кроме имен вождей мирового пролетариата. И наконец меня выгнали. Я же, как водится, намекал, что страдаю за правду. Затем меня призвали в армию. И я попал в конвойную охрану. Очевидно, мне суждено было побывать в аду...

ЛУЧШАЯ БИОГРАФИЯ ДОВЛАТОВА НАПИСАНА ИМ САМИМ

«Я родился в не очень-то дружной семье. Посредственно учился в школе. Был отчислен из университета. Служил три года в лагерной охране. Писал рассказы, которые не мог опубликовать. Был вынужден покинуть родину. В Америке я так и не стал богатым или преуспевающим человеком. Мои дети неохотно говорят по-русски. Я неохотно говорю по-английски. В моем родном Ленинграде построили дамбу. В моем любимом Таллине происходит непонятно что. Жизнь коротка. Человек одинок. Надеюсь, все это достаточно грустно, чтобы я мог продолжать заниматься литературой...»

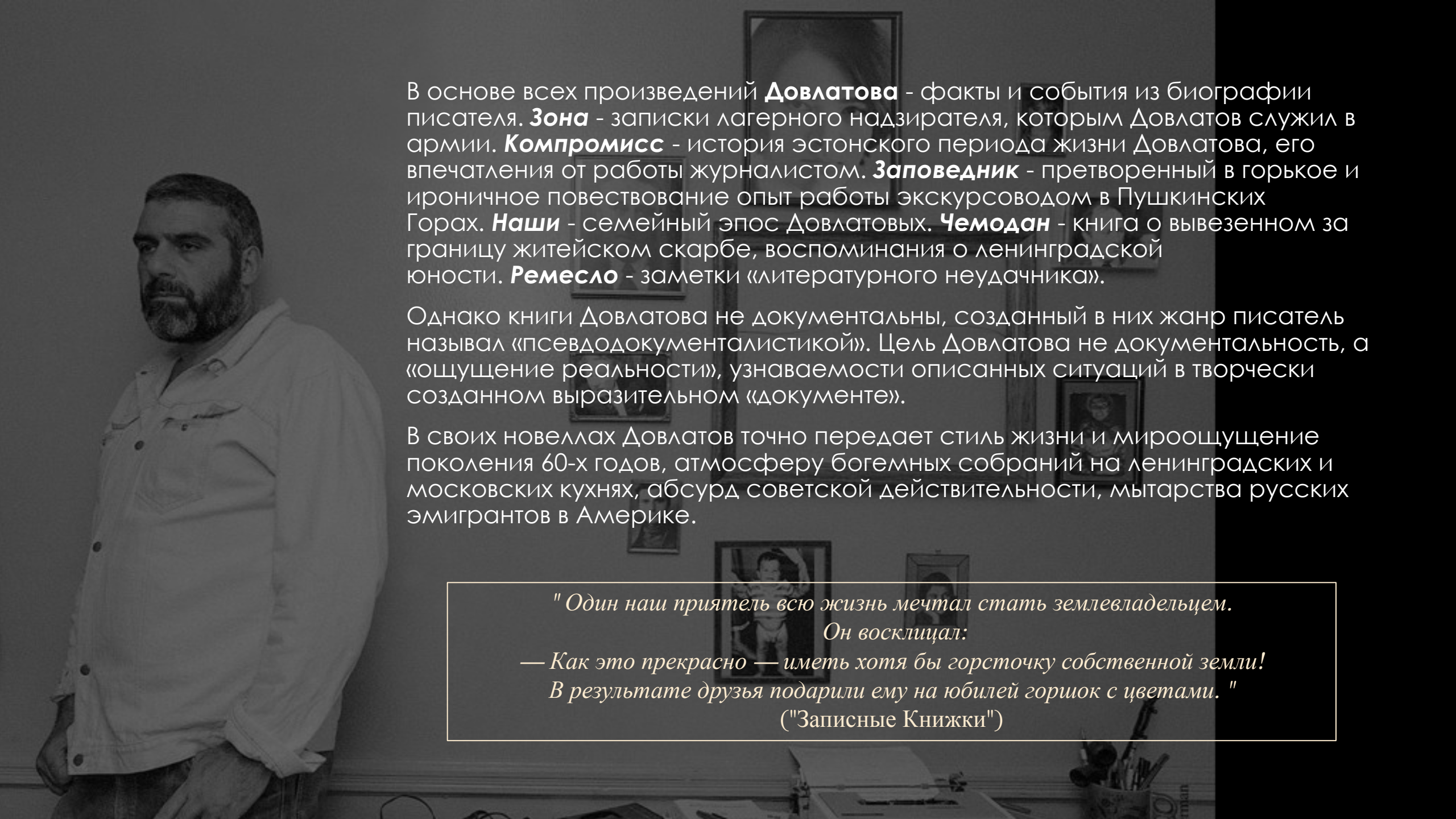
СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ УМЕР **В ВОЗРАСТЕ 49 ЛЕТ** 24 АВГУСТА 1990 ГОДА ОТ СЕРДЕЧНОЙ НЕДОСТАТОЧНОСТИ, В МАШИНЕ СКОРОЙ ПОМОЩИ ПО ДОРОГЕ В БОЛЬНИЦУ. ПОХОРОНЕН В НЬЮ-ЙОРКЕ **НА КЛАДБИЩЕ "МАУНТ ХЕБРОН"** (MOUNT HEBRON CEMETERY).

ПРИЖИЗНЕННЫЕ ИЗДАНИЯ

Ни одного текста, опубликованного в СССР до 1978 года, Довлатов перепечатывать ни при каких обстоятельствах не позволял.

Список книг, вышедших при его прямом или косвенном участии:

- **Невидимая книга** 1977
- **Соло на ундервуде: Записные книжки** 1980
- **Компромисс** 1981
- **Зона: Записки надзирателя** 1982
- **Заповедник** 1983
- **Марш одиноких** 1983
- **Наши** 1983
- **Соло на ундервуде: Записные книжки — 2-е издание, дополненное** 1983
- **Демарш энтузиастов** 1985
- **Ремесло: Повесть в двух частях** 1985
- **Иностранка** 1986
- **Чемодан** 1986
- **Представление** 1987
- **Не только Бродский: Русская культура в портретах и анекдотах (соавтор Марианна Волкова)** 1990
- **Записные книжки** 1990
- **Филиал** 1990

В основе всех произведений **Довлатова** - факты и события из биографии писателя. **Зона** - записки лагерного надзирателя, которым Довлатов служил в армии. **Компромисс** - история эстонского периода жизни Довлатова, его впечатления от работы журналистом. **Заповедник** - претворенный в горькое и ироничное повествование опыт работы экскурсоводом в Пушкинских Горах. **Наши** - семейный эпос Довлатовых. **Чемодан** - книга о вывезенном за границу житейском скарбе, воспоминания о ленинградской юности. **Ремесло** - заметки «литературного неудачника».

Однако книги Довлатова не документальны, созданный в них жанр писатель называл «псевдодокументалистикой». Цель Довлатова не документальность, а «ощущение реальности», узнаваемости описанных ситуаций в творчески созданном выразительном «документе».

В своих новеллах Довлатов точно передает стиль жизни и мироощущение поколения 60-х годов, атмосферу богемных собраний на ленинградских и московских кухнях, абсурд советской действительности, мытарства русских эмигрантов в Америке.

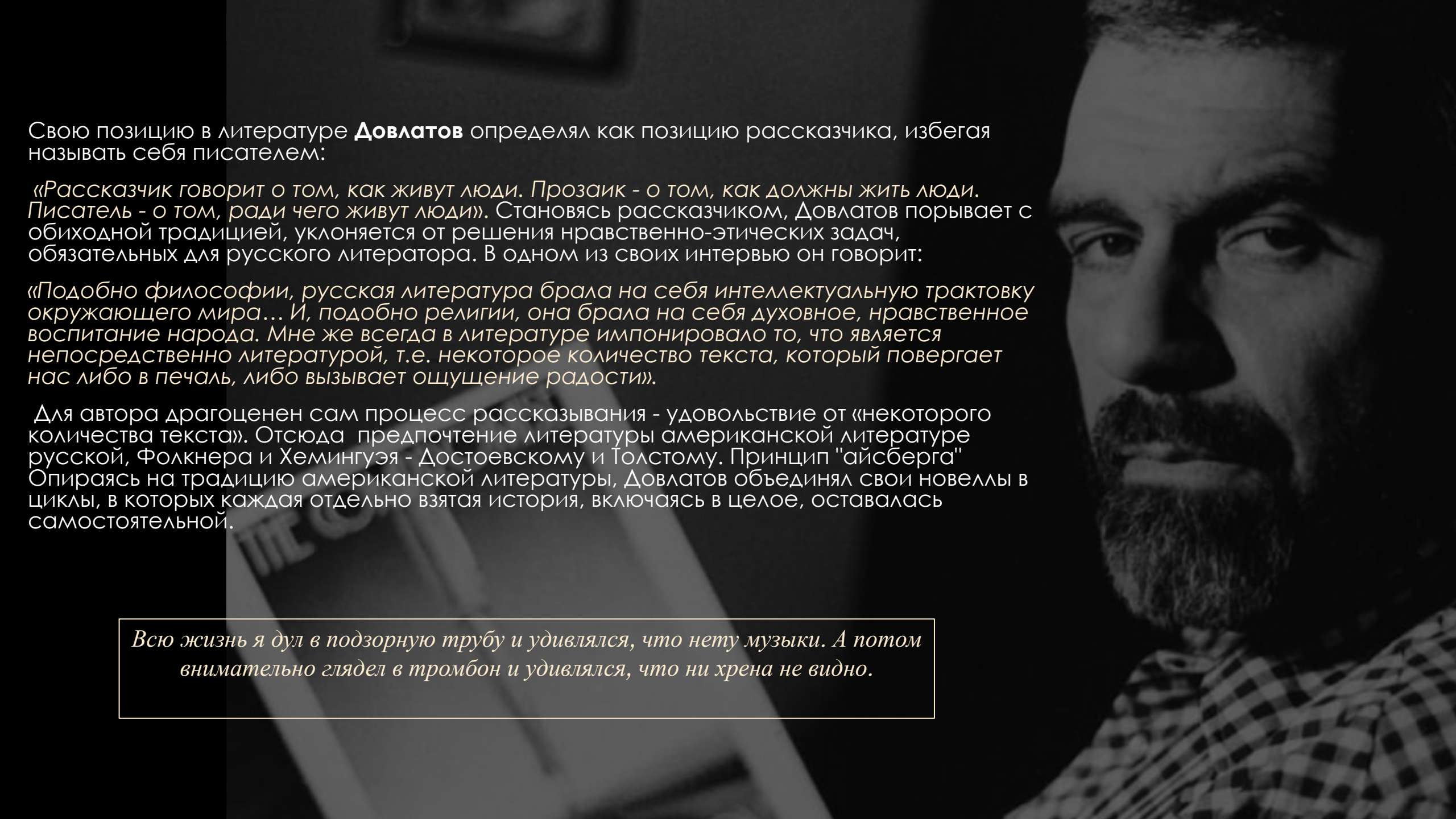
" Один наш приятель всю жизнь мечтал стать землевладельцем.

Он восклицал:

— Как это прекрасно — иметь хотя бы горсточку собственной земли!

В результате друзья подарили ему на юбилей горшок с цветами. "

("Записные Книжки")

Свою позицию в литературе **Довлатов** определял как позицию рассказчика, избегая называть себя писателем:

«Рассказчик говорит о том, как живут люди. Прозаик - о том, как должны жить люди. Писатель - о том, ради чего живут люди». Становясь рассказчиком, Довлатов порывает с обиходной традицией, уклоняется от решения нравственно-этических задач, обязательных для русского литератора. В одном из своих интервью он говорит:

«Подобно философии, русская литература брала на себя интеллектуальную трактовку окружающего мира... И, подобно религии, она брала на себя духовное, нравственное воспитание народа. Мне же всегда в литературе импонировало то, что является непосредственно литературой, т.е. некоторое количество текста, который повергает нас либо в печаль, либо вызывает ощущение радости».

Для автора драгоценен сам процесс рассказывания - удовольствие от «некоторого количества текста». Отсюда предпочтение литературы американской литературе русской, Фолкнера и Хемингуэя - Достоевскому и Толстому. Принцип "айсберга" Опираясь на традицию американской литературы, Довлатов объединял свои новеллы в циклы, в которых каждая отдельно взятая история, включаясь в целое, оставалась самостоятельной.

Всю жизнь я дул в подзорную трубу и удивлялся, что нету музыки. А потом внимательно глядел в тромбон и удивлялся, что ни хрена не видно.

Нравственный смысл своих произведений **Довлатов** видел в восстановлении нормы.

«Я пытаюсь вызвать у читателя ощущение нормы. Одним из серьезных ощущений, связанных с нашим временем, стало ощущение надвигающегося абсурда, когда безумие становится более или менее нормальным явлением». При всей нелепости окружающей действительности герой Довлатова не утрачивает чувства нормального, естественного, гармоничного. Стремлением «восстановить норму» порожден стиль и язык Довлатова.

Довлатов - писатель-минималист, мастер сверхкороткой формы: рассказа, бытовой зарисовки, анекдота, афоризма.

Стилю Довлатова присущ лаконизм, внимание к художественной детали, живая разговорная интонация. Характеры героев, как правило, раскрываются в виртуозно построенных диалогах, которые в прозе Довлатова преобладают над драматическими коллизиями. Довлатов любил повторять: *«Сложное в литературе доступнее простого».*

«Сцена в больнице. Меня везут на процедуру. На груди у меня лежит том Достоевского. Врач-американец спрашивает:

– Что это за книга?

– Достоевский.

– «Идиот»?

– Нет, «Подросток».

– Таков обычай? – интересуется врач.

– Да, – говорю, – таков обычай. Русские писатели умирают с томом Достоевского на груди.

Американец спрашивает:

– Ноу Байбл? (Не Библия?)

– Нет, – говорю, – именно том Достоевского.

Американец посмотрел на меня с интересом».

(«Соло на ундервуде»)

Позиция рассказчика вела Довлатова и к уходу от оценочности.

Обладая беспощадным зрением, Довлатов избегал выносить приговор своим героям, давать этическую оценку человеческим поступкам и отношениям.

В художественном мире Довлатова охранник и заключенный, злодей и праведник уравниваются в правах. Зло в художественной системе писателя порождено общим трагическим течением жизни, ходом вещей:

«Зло определяется конъюнктурой, спросом, функцией его носителя. Кроме того, фактором случайности. Неудачным стечением обстоятельств. И даже - плохим эстетическим вкусом» (Зона).

Главная эмоция рассказчика - снисходительность: *«По отношению к друзьям мною владели сарказм, любовь и жалость. Но в первую очередь - любовь»*, - пишет он в **Ремесле**.

В **писательской манере Довлатова** абсурдное и смешное, трагическое и комическое, ирония и юмор тесно переплетены. По словам литературоведа А. Арьева, художественная мысль Довлатова - *«рассказать, как странно живут люди - то печально смеясь, то смешно печалась»*.

— Значит, я говорю только одно слово — "нет"?

— Вроде бы, да.

— Маловато, — сказал Чурилин.

— Не исключено, что тебе зададут и другие вопросы.

— Какие?

— Я уж не знаю.

— Что же я буду отвечать?

— В зависимости от того, что спросят.

— А что меня спросят? Примерно?

— Ну, допустим: "Признаешь ли ты свою вину, Чурилин?"

— И что же я отвечу?

— Ты ответишь: "Да".

— И все?

— Можешь ответить: "Да, конечно, признаю и глубоко раскаиваюсь".

— Это уже лучше. Записывай. Сперва пиши вопрос, а дальше мой ответ. Вопросы пиши нормально, ответы — квадратными буквами.

Чтобы я не перепутал...

Сергей Довлатов

ЗОНА

Записки надзирателя

Шиволу классику,
одну из писателей —
Виктору Младеновичу
Некрасову
от редактора —
Иурманиса

© Довлатов

«Эрмитаж».

1982

— с любовью!

В первой книге - сборнике рассказов **Зона** - Довлатов разворачивал впечатляющую картину мира, охваченного жестокостью, абсурдом и насилием. *«Мир, в который я попал, был ужасен. В этом мире дрались заточенными рашпилями, ели собак, покрывали лица татуировкой и насиловали коз. В этом мире убивали за пачку чая».* **Зона** - записки тюремного надзирателя Алиханова, но, говоря о лагере, Довлатов порывает с лагерной темой, изображая «не зону и зеков, а жизнь и людей». **Зона** писалась тогда (1964), когда только что были опубликованы Колымские рассказы **Шаламова** и Один день Ивана Денисовича **Солженицына**. Акцент у Довлатова сделан не на воспроизведении чудовищных подробностей армейского и зековского быта, а на выявлении обычных жизненных пропорций добра и зла, горя и радости. Зона - модель мира, государства, человеческих отношений. В замкнутом пространстве усть-вымского лагпункта сгущаются, концентрируются обычные для человека и жизни в целом парадоксы и противоречия. В художественном мире Довлатова надзиратель - такая же жертва обстоятельств, как и заключенный. В противовес идейным моделям «каторжник-страдалец, охранник-злодей», «полицейский-герой, преступник-исчадие ада» Довлатов вычерчивал единую, уравнивающую шкалу: *«По обе стороны запретки расстился единый и бездушный мир. Мы говорили на одном приклатненном языке. Распевали одинаковые сентиментальные песни. Претерпевали одни и те же лишения... Мы были очень похожи и даже - взаимозаменяемы. Почти любой заключенный годился на роль охранника. Почти любой надзиратель заслуживал тюрьмы».*

"Возраст у меня такой, что, покупая обувь, я каждый раз задумываюсь: "Не в этих ли штиблетах меня будут хоронить?"

СЕРГЕЙ
ДОВЛАТОВ

Заповедник

В другой книге Довлатова - **Заповедник** - Пушкинский заповедник, в который главный герой Алиханов приезжает на заработки, - клетка для гения, эпицентр фальши, заповедник человеческих нравов, изолированная от остального мира «зона культурных людей», ныне возведенного в кумиры и удостоившегося мемориала. Прототипом Алиханова в **Заповеднике** был избран Иосиф Бродский, пытавшийся получить в Михайловском место библиотекаря. В то же время, Алиханов - это и бывший надзиратель из Зоны, и сам Довлатов, переживающий мучительный кризис, и - в более широком смысле - всякий опальный талант. Безрадостный июнь Алиханова уподоблен болдинской осени Пушкина: вокруг **«минное поле жизни»**, впереди - ответственное решение, нелады с властями, опала, семейные горести.

Уравнивая в правах Пушкина и Алиханова, Довлатов напоминал о человеческом смысле гениальной пушкинской поэзии, подчеркивал трагикомичность ситуации - хранители пушкинского культа глухи к явлению живого таланта. Герою Довлатова близко пушкинское «невмешательство в нравственность», стремление не преодолевать, а осваивать жизнь. Пафос пушкинского творчества Довлатов видит в сочувствии движению жизни в целом: **«Не монархист, не заговорщик, не христианин - он был только поэтом, гением, сочувствовал движению жизни в целом. Его литература выше нравственности. Она побеждает нравственность и даже заменяет ее. Его литература сродни молитве, природе...»**.

"В разговоре с женщиной есть один болезненный момент. Ты приводишь факты, доводы, аргументы. Ты взываешь к логике и здравому смыслу. И неожиданно обнаруживаешь, что ей противен сам звук твоего голоса..."

СЕРГЕЙ
ДОВЛАТОВ

Компромисс

В сборнике **Компромисс**, написанном об эстонском, журналистском периоде своей жизни, Довлатов - герой и автор - выбирает между лживым, но оптимистичным взглядом на мир и подлинной жизнью с ее абсурдом и ущербом. Приукрашенные журналистские материалы Довлатова не имеют ничего общего с действительностью, изображенной в комментариях к ним. Довлатов уводит читателя за кулисы, показывая, что скрывается за внешним благополучием газетных репортажей, обманчивым фасадом.

*"У хорошего человека отношения с женщинами всегда складываются трудно. А я человек хороший. Заявляю без тени смущения, потому что гордиться тут нечем. От хорошего человека ждут соответствующего поведения. К нему предъявляют высокие требования. Он тащит на себе ежедневный мучительный груз благородства, ума, прилежания, совести, юмора. А затем его бросают ради какого-нибудь отъявленного подонка. И этому подонку рассказывают, смеясь, о нудных добродетелях хорошего человека. Женщины любят только мерзавцев, это всем известно. Однако быть мерзавцем не каждому дано. У меня был знакомый валютчик Акула. Избивал жену черенком лопаты. Подарил ее шампунь своей возлюбленной. Убил кота. Один раз в жизни приготовил ей бутерброд с сыром. Жена всю ночь рыдала от умиления и нежности. Консервы девять лет в Мордовию посылала. Ждала...
А хороший человек, кому он нужен, спрашивается?.."*

SERGEI DOVLATOV

A FOREIGN WOMAN

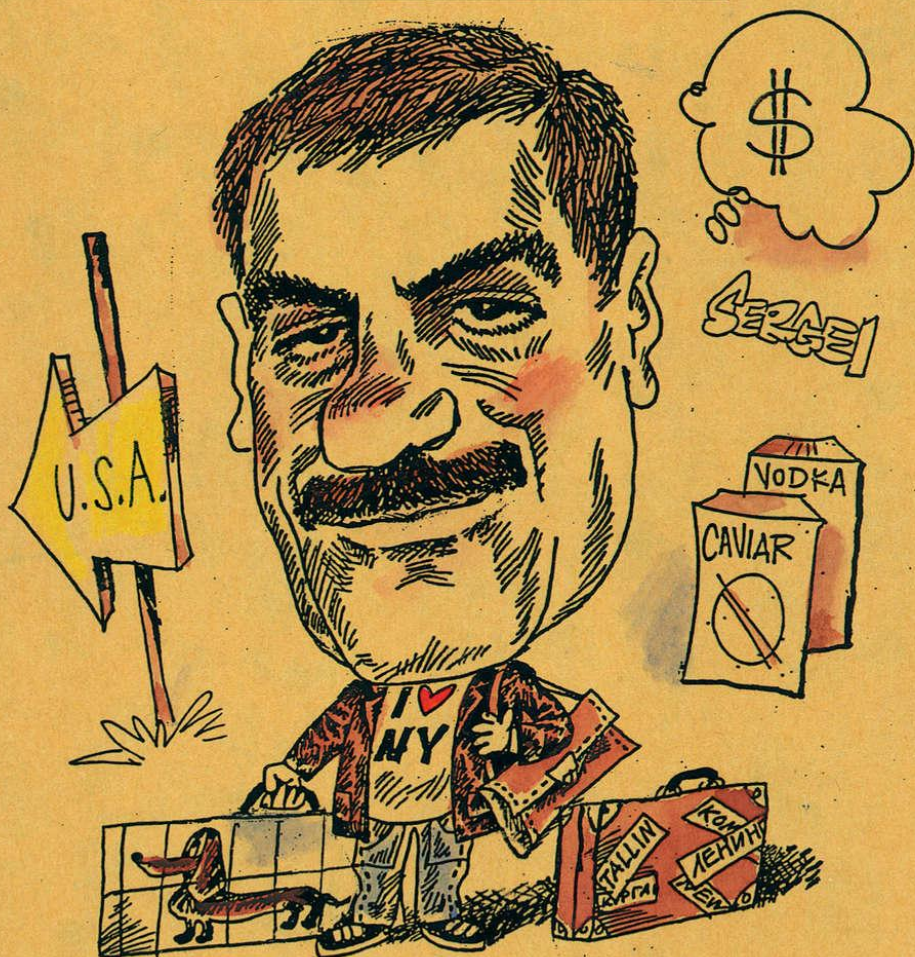

В **Иностранке** **Довлатов** начинает выступать как летописец эмиграции, изображая эмигрантское существование в ироническом ключе. 108-я улица Квинса, изображенная в **Иностранке**, - галерея произвольных шаржей на русских эмигрантов.

"Все ее подруги были замужем. Их положение отличалось стабильностью. У них был семейный очаг. Разумеется, не все ее подруги жили хорошо. Некоторые изменяли своим мужьям. Некоторые грубо ими помыкали. Многие сами терпели измены. Но при этом — они были замужем. Само наличие мужа делало их полноценными в глазах окружающих. Муж был совершенно необходим. Его следовало иметь хотя бы в качестве предмета ненависти."

СЕРГЕЙ
ДОВЛАТОВ

Чемодан

Ленинградской молодости писателя посвящен сборник **Чемодан** - история человека, не состоявшего ни в одной профессии. Каждый рассказ в сборнике Чемодан - о важном жизненном событии, непростых обстоятельствах. Но во всех этих серьезных, а подчас и драматичных, ситуациях автор «собирает чемодан», который становится олицетворением его эмигрантской, кочевой жизни. В Чемодане вновь проявляет себя довлатовский отказ от глобализма: человеку дорога лишь та житейская мелочь, которую он способен «носить с собой».

— *Что же ты, интересно, похитил?*

Зек смущенно отмахивался:

— *Да ничего особенного... Трактор...*

— *Цельный трактор?!*

— *Ну.*

— *И как же ты его похитил?*

— *Очень просто. С комбината железобетонных изделий. Я действовал на психологию.*

— *Как это?*

— *Зашел на комбинат. Сел в трактор. Сзади привязал железную бочку из-под тавота.*

Еду на вахту. Бочка грохочет. Появляется охранник: «Куда везешь бочку?» Отвечаю: «По личной надобности». — «Документы есть?» — «Нет». — «Отвязывай к едрене фене...» Я бочку отвязал и дальше поехал. В общем, психология сработала.

Я не жалею о пережитой бедности. Если верить Хемингуэю, бедность — незаменимая школа для писателя. Бедность делает человека зорким. И так далее.

Любопытно, что Хемингуэй это понял, как только разбогател...

Я знаю, что свобода философское понятие.

Меня это не интересует. Ведь рабы не интересуются философией. Идти куда хочешь – вот что такое свобода!..